

Привязав коня к дереву, они не спеша шли вдоль берега озера Сяньху, держась за руки. Сердца их наполнились покоем, и они негромко беседовали обо всем на свете.

Цзянь Чуан принялся рассказывать забавные случаи из деревенского детства, когда он ещё не попал в армию:

— Хоть мне тогда было всего тринадцать, я в одиночку мог убрать три му земли! Не уступал взрослым мужикам. Все старики в деревне заглядывались на меня, мечтая выдать за меня своих дочерей!

Он не удержался от хвастовства перед супругом, желая показать, какой он умелый да работающий.

Вэнь Цзюэ спросил на удивление спокойно:

— Как раз возраст для сватовства. Ну и как, сосватали тебя тогда?

Ответ прозвучал как-то не так. Прежде Чжунюй непременно посмотрел бы на него с восхищением и ласково воскликнул: «Супруг мой, какой же ты удивительный!»

Неужто ревнует? Цзянь Чуан изо всех сил сдержал улыбку и поспешил оправдаться:

— Конечно же нет! Если бы я был обручен, разве довелось бы мне взять в супруги Его Высочество пятого принца, который прекрасен точно сошедший с небес небожитель?

На душе у Вэнь Цзюэ все равно скребли кошки. Он остановился:

— Значит, будь ты помолвлен, скорее пошел бы против указа, чем женился бы на мне?

Цзянь Чуан теперь едва сдерживал смех и уверенно кивнул:

— Безусловно!

Вэнь Цзюэ поджал губы, промолчал.

Цзянь Чуан неторопливо продолжил:

— Уж такой я человек. В моем сердце есть место лишь для одного. И раз уж я выбрал кого-то, то не изменю своему решению до самой смерти.

Сжавшееся сердце Вэнь Цзюэ понемногу отпустило. Он прекрасно понял скрытый смысл этих слов: генерал просто дурачился, чтобы высказать ему свои истинные чувства.

— Мои отец и матушка прожили душа в душу всю жизнь, — продолжал Цзянь Чуан. — Красивее союза я не встречал. И пускай в книжках пишут, будто стоит человеку разбогатеть, как вся бывшая любовь обращается в пшик, я верю: даже получи мой отец великую власть, он бы никогда не предал матушку и не взял бы наложниц!

Матушка тоже часто говорила ему, что ни одна женщина по доброй воле не станет делить мужа с соперницами.

В те поры Цзянь Чуан мало что смыслил в семейных делах, но рассудил просто: ему и самому не хотелось бы, чтобы в доме появился кто-то чужой и отнимал внимание отца.

Матушка наставляла его: «Юньчуань, когда-нибудь ты тоже женишься. Люби и уважай свою жену, относись к ней со всей искренностью. Лад в семье — главное богатство».

И пусть судьба распорядилась иначе и его супругом стал мужчина, суть от этого не менялась.

Цзян Чуан сорвал придорожный цветок и бережно приколол его за ухо Вэнь Цзюэ. Тот коснулся лепестков, щурясь от удовольствия:

— Красиво?

— Очень! Это простой лесной желтый цветок, он отлично подходит к твоему нежно-зеленому одеянию.

Цзян Чуан заправил прядь волос ему за ухо и вернулся к прерванному разговору:

— Я весь в отца. В моем сердце есть место лишь одному человеку, и ты его уже занял. Даже если сам император повелит мне взять другую, я скорее приму смерть, чем подчинюсь.

Вэнь Цзюэ поймал себя на мысли, что больше не может судить по голосу, звучит ли в нем искренность или притворство, а возможно, и то и другое вместе...

Если бы только к нему вернулось зрение! Ему так хотелось увидеть лицо Цзян Чуана в этот миг. Смотрит ли тот прямо на него? Светится ли в его глазах корысть?

Цзян Чуан действительно не отрывал от него глаз:

— Что до любви... раньше я в этом ничего не понимал и даже не задумывался. Позже на службе я навидался всякого, и это сильно разнилось с моими представлениями. Я не мог этого принять, потому держался от всех подальше. Чжияй, я...

Сердце Вэнь Цзюэ дрогнуло. Он поднял лицо:

— Что ты?

Цзян Чуан смущенно кашлянул, кончики его ушей порозовели:

— До тебя у меня никого не было. Разве что в теории знал да своими руками обходился... Короче, у меня есть только ты, поэтому...

Вэнь Цзюэ не удержался от улыбки:

— Что я?

— Ты не должен смотреть на других. Будь верен мне одному, а я никогда не заведу наложниц и буду предан тебе. Договорились? — Цзян Чуан отчаянно нуждался в его обещании. Он знал: если Чжияй даст слово, то обязательно его сдержит, а если выполнить не сможет, то предпочтет уйти от ответа, но лгать не станет.

К тому же угрозы Старшей принцессы Чэнью не на шутку его напугали. Он прекрасно понимал: если она пообещала подыскать Вэнь Цзюэ кого-то другого, то так и сделает. Нужно было перестраховаться!

Предупрежден — значит вооружен!

Вэнь Цзюэ удивился, ему даже захотелось рассмеяться, но разговор о верности пробудил в нем чувство вины. Если Юньчуань однажды узнает, что этот брак преследовал тайную выгоду, он наверняка придет в ярость и горько пожалеет о своих клятвах.

Скрывая тревогу, Вэнь Цзюэ решился пообещать лишь одно:

— Я не стану искать никого другого. Все они... не сравнятся с тобой.

Его длинные ресницы мелко затрепетали. Прежде он мог без тени смущения осыпать Цзян Чуана ласковыми речами, а теперь даже столь простые слова давались ему с трудом и заставляли густо краснеть.

Цзян Чуан склонился пониже, заглядывая ему в лицо с нежной усмешкой. Вэнь Цзюэ не сознавал, насколько его прерывистое дыхание выдает душевное смятение, и лишь попытался изобразить недоумение:

— Что... что такое?

«До чего же он милый!»

С этой мыслью Цзян Чуан не удержался и решил его подразнить, нарочно припомнив другое:

— И чем же я так хорош? В нашу брачную ночь я показал себя с худшей стороны, измучил тебя до полусмерти!

От этих воспоминаний Вэнь Цзюэ стало совсем не по себе. Почувствовав на себе пристальный взгляд, он опустил глаза:

— Тебя же опоили зельем. Ты не ведал, что творил, так что твоей вины тут нет.

Улыбка Цзян Чуана стала еще шире. Будь это прежний Чжикуй — до того, как с него сорвали маску, — он бы непременно прижал его ладонь к своей пояснице и протянул: «А спина-то все еще ноет, будь добр, супруг мой, помассируй».

Цзян Чуан с напускной серьезностью кивнул:

— Верно, злодей во всем виноват! Хотя я должен сказать ему спасибо. Не будь его коварства, я бы ни за что не посмел прикоснуться к тебе, не говоря уже о том, чтобы узнать тебя с совершенно иной стороны.

Будучи неглупым человеком, Вэнь Цзюэ сразу понял намек. Он поспешно зажал генералу рот ладонью:

— Молчи! Ты ведь обещал, что мы будем развлекаться?

Не дав Цзян Чуану вставить и слова, он торопливо сменил тему:

— А как поживали твои родители? И как ты оказался на военной службе?

Но от волнения он затронул тему, которую лучше было не бередить.

Улыбка сошла с лица Цзян Чуана. Он медленно выпрямился, взял его руку и принялся бережно поглаживать пальцы.

— Они умерли. Еще до того, как я ушел на службу.

Вэнь Цзюэ крепче сжал его ладонь:

— Прости...

Цзян Чуан покачал головой и слабо улыбнулся:

— За что просить прощения? Рано или поздно я бы все равно тебе рассказал. В нашей деревне случилось наводнение. Отец с матерью спасли меня ценой собственных жизней, а сами погибли. Оставшись без крова, я похоронил их и пошел в армию — там хотя бы кормили и давали кров. Кто же знал, что я дослужусь до таких чинов.

Устав от ходьбы, они устроились на сухой траве под раскидистым деревом. Цзян Чуан порывался постелить под него свой плащ, но Вэнь Цзюэ не побоялся испачкаться и сел прямо на землю. Легкий ветерок овеивал их лица, даря удивительное умиротворение.

Прижимая его к себе, Цзян Чуан с благодарностью произнес:

— Хорошо, что я чего-то добился в этой жизни, иначе мы никогда бы не встретились. Будь мои родители живы, они непременно полюбили бы тебя всем сердцем.

Вэнь Цзюэ так не считал. Посудите сами: какой семье захочется принять слепого калеку, с которым столько хлопот? Лишь высочайший указ императора заставил Цзян Чуана скрепя сердце взвалить на себя эту обузу.

Но вслух он этого говорить не стал. Вместо этого он тихо повторил:

— Отец... матушка.

Цзян Чуан посмотрел на него сверху вниз. Лицо Вэнь Цзюэ смягчилось, и, повторив эти слова вслед за ним, он нежно улыбнулся:

— Теперь они и мои родители тоже.

Едва он договорил, как его лба коснулись теплые губы, и над ухом раздался ласковый голос Цзян Чуана:

— Моя оплошность. Они — наши отец и матушка.

— Юньчуань, — позвал Вэнь Цзюэ.

— Что такое? — отозвался тот.

— Юньчуань...

Цзян Чуан уловил перемену в его голосе и пристально всмотрелся в его лицо, но Вэнь Цзюэ лишь растерянно «глядел» перед собой. — Я здесь, — тихо отозвался генерал.

Вэнь Цзюэ крепко сжал его ладонь:

— Только что ты с такой уверенностью говорил, что твои родители полюбили бы меня. Мне тоже хотелось сказать нечто подобное о своей матушке-наложнице... но язык не повернулся.

Он вымученно улыбнулся, сиюсь разрядить обстановку, но вышло горько и самокритично:

— Я ведь даже не знаю, полюбила бы она меня самого. Раз я не ведаю этого, с какой стати мне утверждать, будто она непременно полюбила бы тебя?

«Супруга Чэнь...», — В прошлой жизни Чжуйюй никогда не заговаривал с ним о своей матери, и лишь теперь Цзян Чуан понял, сколько невысказанной боли таится в его душе. И как тут было не сопереживать?

Ему оставалось лишь мягко возразить:

— Будь она жива, она бы души в тебе не чаяла. Оберегала бы и заботилась так же, как старшая принцесса.

При упоминании сестры Вэнь Цзюэ опустил ресницы:

— Все эти годы я был лишь обузой для императорской сестры. Мои представления о матушке сложены исключительно из её рассказов. По словам сестры, наша матушка-наложница вовсе не отличалась кротостью и степенностью. Она обожала играть и вечно выдумывала всякие диковинки, заставляя отца-императора и сестру испытывать их на себе. Они жутко мучились, но при этом были бесконечно счастливы.

— ...Матушка была удивительно жизнерадостной. Ей претила душная жизнь в заднем дворце, но ради отца она осталась. Стоило ей заскучать, как она тайком пролезала через лаз в стене и сбегала из дворца развлечься, а отец, бросив все государственные дела, мчался следом и покорно уговаривал её вернуться.

— ...В пору самой пылкой любви отец готов был превратить весь дворец в её личную площадку для игр. Он заменял утренние приемы забавами с ней с утра до вечера. В конце концов придворные советники не выдержали и пожаловались сестре. Лишь когда императорская сестра вмешалась лично, матушку вернули в покои, а отца заставили заняться делами государства.

— ...Матушка была озорной, но очень доброй душой. Она никогда без нужды не наказывала слуг и часто увлекала их в свои игры. Порой она выдавала такие странные фразы, что все диву давались, но со временем привыкли. Императорская сестра рассказывала, что, забеременев мной, матушка пришла в ужас: мол, она сама еще не научилась быть хорошей матерью, а тут уже второй детеныш на подходе!

Рассказывая об этом, Вэнь Цзюэ тихонько рассмеялся. Те времена предшествовали его рождению, но он говорил о них с таким чувством, словно пережил сам. Вэнь Янь, должно быть, повторяла эту историю сотни раз, и по этим крупичкам он снова и снова воссоздавал образ ушедшей матери.

Цзян Чуан слушал его с щемящей нежностью и немало удивлялся: образ покойной супруги Чэнь в устах сына разительно отличался от придворных слухов:

— Супруга Чэнь... нет, наша матушка и впрямь была необычайно живой. А эти её слова... она просто боялась, что не сумеет воспитать тебя как следует. На самом деле она очень ждала твоего появления на свет.

Вэнь Цзюэ кивнул:

— Сестра говорила так же. Матушка задолго до моего рождения выбрала мне имя и детское имя. Она целыми днями разговаривала со своим животом и заставляла сестру с отцом прикладывать руки и беседовать со мной.

— ...А потом... случилось то, что случилось. Я часто думаю: может, мне не следовало рождаться? У сестры были такие прекрасные любящие родители, но стоило появиться мне...

— Всё это никак с тобой не связано, — серьезно прервал его Цзян Чуан. — Если продолжишь в том же духе, я зацелую тебя до беспамятства!

Вэнь Цзюэ на миг лишился дара речи. Он впервые видел, чтобы Цзян Чуан утешал его столь бесцеремонным и прямолинейным способом. Грусть на душе немного развеялась, и он шутливо протянул:

— Супруг мой, твои слова лишь раззадоривают меня продолжать.

Цзян Чуан опешил, а сообразив, к чему клонит хитрый принц, вкрадчиво прошептал:

— Сам напросился.

С этими словами он перешел от угроз к делу: притянул Вэнь Цзюэ к себе и наглядно показал, что значит «зацеловать до беспамятства».

Когда они наконец отстранились друг от друга, губы Вэнь Цзюэ заметно припухли. Он невольно облизал их. Цзян Чуан тут же отвел взгляд, мысленно читая мантру очищения разума. Какое-то время оба смущенно молчали.

Справившись с волнением, Цзян Чуан осторожно взял его за руку и с глубоким чувством произнес:

— Чжияй, и твоя сестра, и матушка очень ждали твоего появления. Ты — их самый дорогой человек. А для меня ты — весь смысл моей жизни.

Сердце Вэнь Цзюэ растаяло, губы сами собой расплывались в улыбке. Рядом с Цзян Чуаном он чувствовал себя ребенком, которого окружили невероятной лаской. Ему безумно хотелось просто сидеть вот так, прижавшись друг к другу, и забыть обо всех невзгодах мира.

Но стоило этой мысли зародиться в его голове, как на смену ей приходило жестокое осознание собственного эгоизма. Чем сильнее он жаждал покоя, тем недостижимее тот казался. И всё же он жадно упивался этой минутой, бережно запечатлевая в памяти мимолетное счастье, чтобы потом, когда они расстанутся, согревать душу этими воспоминаниями.

На обратном пути сумерки уже сгущались над горизонтом. Они не торопясь ехали верхом, наслаждаясь последними мгновениями загородной вольницы.

Посреди тишины Вэнь Цзюэ вдруг заговорил:

— Чиновник Дуань из Дучаюаня и заместитель министра У лишь притворяются беспристрастными. На самом деле оба они — люди шестого императорского брата.

Цзян Чуан озадачился столь резкой переменой темы:

— С чего вдруг ты о них вспомнил?

Вэнь Цзюэ ровным голосом пояснил:

— Месяца через два они соберут достаточно улик и подадут отцу-императору донос на тебя. Они раздуют твои незначительные промахи во время военных походов, чтобы вызвать недовольство государя и вынудить его присмотреться к другим военачальникам.

Цзян Чуан недоумевал еще сильнее:

— Но зачем им это? Мы никогда не враждовали и дел общих не имели.

— Всё просто. Шестой императорский брат и императрица мечтают продвинуть своих людей. Среди молодого поколения рода Сян, к которому принадлежит императрица, нет выдающихся воинов — твоя слава затмевает их всех. Но поскольку ты женился на мне и... в общем, переманить тебя на свою сторону они больше не надеются. Теперь им остается лишь расчистить дорогу своим ставленникам, а для этого нужно лишить тебя доверия войска и очернить твое имя в глазах народа.

Цзян Чуана эти козни нимало не заботили. Он прямо ответил:

— Пусть попробуют забрать мое место, если духу хватит. Я бы с радостью уступил им право месить грязь в походах, а сам остался бы в усадьбе, чтобы наслаждаться мирной жизнью подле своего супруга!

С этими словами он ласково потерся головой о плечо Вэнь Цзюэ. Однако сейчас принцу было не до нежностей. Он продолжал холодно и бесстрастно рассуждать, и в его голосе сквозило явное презрение:

— Сян Тинсюань, на которого род Сян возлагает самые большие надежды — пустышка в красивой обертке. Храбрости у него через край, а ума ни на грош. Великий мастер рассуждать о стратегии на словах, на поле боя он окажется сущим трусом. Если он займет твое место, то потерпит сокрушительное поражение в первой же паре сражений.

<http://bllate.org/book/20326/2029331>